

ОБ АВТОРЕ

Д-р Арли Хувер является профессором, преподающим в настоящее время в Abilene Christian University, в Абилине, Техас, США. До этого он служил профессором истории и философии в Pepperdine University, также — академическим деканом в Columbia Christian College. Д-р А. Хувер является автором нескольких книг. Его статьи появляются в различных журналах.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Пётр повелел христианам дать отчёт в своём уповании (1 Петр. 3:15), он предопределил некоторых из нас к писанию книг на апологетические темы. Я считаю, что каждое поколение нуждается в однотомном труде, дающем всесторонний обзор основного материала по доводам христианства. Меня всегда радует книга, которую можно дать неверующему и сказать: «Бери, прочитай это и ты узнаешь, во что я верю, а также узнаешь и немало хороших объяснений, почему я так верю».

Сделав попытку написать такую книгу, я теперь понимаю, что такое занятие было более трудным, чем мне казалось. Чтобы коснуться всех важных вопросов и одновременно написать книгу, которая не была бы подобна по размеру нью-йоркскому телефонному справочнику, приходится сократить много материала и упростить немало проблем. Конечно, при упрощении материала возникает опасность и излишнего его упрощения. Всё же, несмотря на этот риск, надеюсь, что я написал книгу, которая послужит современному поколению введением в проблематику христианских доказательств. Я старался сочетать философскую основу христианства (гл. 1—8) с его исторической основой и девятой главой (под заглавием «Почему важна история?»), связывающей эти две главные стороны вопроса.

Одно важное примечание: я считаю, что в теистических вопросах надо держаться середины. Я не согласен с католиками и не утверждаю, что существование Бога полностью доказуемо, а также я не согласен с Бартом и не утверждаю, что без Христа я остался бы атеистом. По-моему, человек, услышавший аргументы в защиту Бога, может стать, по меньшей мере, озадаченным агностиком, а вероятнее всего — деистом.

К читателю я обращаюсь во втором лице и без лишних церемоний по той причине, что считаю, что апологетику надо представлять в самом жизненном виде. Ведь свидетельствовать о Христе — это вполне личное дело. Когда мы говорим: «Вот в этом-то заключаются доводы», мы в сущности заявляем: «В этом заключаются доводы, как я, с моей точки зрения, смотрю на них; надеюсь, что и Вы увидите то же самое». Апологетика — частично искусство, частично наука. Подвизаясь за веру, каждое поколение и каждый индивидуум высказывает что-то своеобразное.

Всё-таки, кроме уникальных высказываний отдельных людей, существует суть материала, которая со времени Августина Блаженного и даже новозаветного периода почти ничуть не изменилась. Среди современных апологетов я глубоко признателен многим людям евангельского убеждения, — таким как Рамму, Карнеллу, Кларку, Трюбладу, Льюису, Шейфферу, Стотту.

Я также признателен жене, Глории, не только за корректуру на каждой её стадии, но и за терпение и поощрение, оказанное мне в области апологетики на протяжении последних шестнадцати лет нашей супружеской жизни.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ АТЕИЗМА

Дорогой Агнос!

Я уверен, что Вы хотели бы знать, почему я называю Вас «Агносом». «Агнос» — это сокращение слова «агностик» и относится к тому, кто устранился от принятия решения по вопросу о существовании Бога. Агностик всегда говорит, что он не знает, существует ли Бог или нет. Он утверждает, что показания за и против не полностью убедительны.

Так как я теперь знаю, как обращаться к Вам, Агнос, то хотел бы объяснить цель написания этой книги. Я христианин, верующий, и я хочу, чтобы и Вы стали христианином. Давайте в первой главе будем открыты друг перед другом: я имею своей целью убедить Вас, чтобы Вы обратились к Иисусу Христу. Если Вы опасаетесь, что доказательств в защиту христианства достаточно, чтобы убедить Вас, то лучше Вам сейчас обратить серьёзное внимание на мои аргументы в защиту христианства. Читайте дальше.

Быть может, Вы скажете: «Вы обращаетесь не к тому человеку. Ведь я не агностик; я просто атеист. Я *знаю*, что Бога нет». Неужели? Уверены ли вы в том, что Вы это знаете? Мне кажется, что я могу убедить Вас в невозможности такого догматического атеизма. В этом и заключается цель первой главы. Не странно ли, что в первой главе хочу сделать Вас агностиком, правда, почтительным агностиком, а в остальной части книги — христианином. Если правильно рассуждать, то мы можем начать интеллектуальную одиссею с тезиса: *никто не может быть атеистом*. Если Вы не теист, то по логике вещей Вы можете быть всего лишь агностиком.

Если Вы типичный атеист, то вероятно придерживаетесь некоторых основных утверждений. По всей вероятности Вы говорите, что Бога не существует, что Вселенная составлена из материи, что вера — малонадёжное и позорное прибежище для слабоумных людей, и что разумные люди должны пользоваться научным методом. Давайте, пользуясь этими утверждениями, докажем, что Вы не атеист.

А. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДОГМАТИЧЕСКОГО АТЕИЗМА

Агнос, если бы Вы знали, что Бог не существует, то знали бы всё, что можно было бы знать о реальности, иначе тот один факт, который Вы могли бы упустить, возможно и оказался бы тем фактом, который как раз и подтверждает существование Бога. Существование Бога — это возможность, но, по Вашему догматическому утверждению, Бога нет. Вы этим в сущности утверждаете, что знаете всё, что можно знать о реальности, что в этой реальности никакого Бога нет. А какой здравомыслящий человек скажет, что

он знает всё, что можно знать о реальности?

Допустим, например, что у Вас есть мешочек с шариками и Вы хотите доказать, что в нём чёрных шариков нет. Чтобы это установить, Вам нужно было бы увидеть все шарики одновременно. Если эти условия не выполнены, то Вы никак не сможете доказать своё утверждение. В этом примере мешочек представляет собой Вселенную и Вы утверждаете, что Бога в ней нет. Знаете ли Вы уверенно, что именно находится в этом мешочке?

Дойдём до абсурдности в этом рассуждении. Допустим, что Вы начинаете искать Бога здесь на Земле. Вы смотрите под каждым плоским камнем на нашей планете. Бога нет. Вы посещаете Марс и там так же Бога нет. А после этого Вы посещаете Юпитер, Нептун, Уран, Плутон, весь Млечный путь, Андромеду и другие места во Вселенной. И всё ещё Бога нет. Но даже после этого будете ли Вы стопроцентно уверены, что Бога нет? А что если на протяжении этого пути Бог шёл всё время впереди Вас на один шаг, хитренько уклоняясь от Ваших попыток найти Его?

Я знаю, что всё это звучит для Вас глуповато, но я хочу сделать серьёзное примечание: Вам нужно было бы знать всё обо всём и одновременно присутствовать везде и повсюду для того, чтобы вездеплляционно заявить: «Я знаю, что Бога нет». Чтобы быть настоящим атеистом, Вам надо было бы обладать способностями всезнания и вездесущности, атрибутами, которые мы обычно приписываем только Богу. Одним словом, Вы должны были бы быть Богом для того, чтобы утверждать, что Его нет!

Б. ВЫ НА САМОМ ДЕЛЕ ВЕРИТЕ В СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

Если Вы с этим пунктом согласны, Агнос, то я поставлю Вас в тупик по следующему пункту. Как только Вы скажете, что не обладаете всезнанием, то я могу показать, что Вы на самом деле верите в сверхъестественное. Если Вы материалист, то есть верите, что всё существующее составлено только из материи или природы, то всё это наверно покажется Вам какой-то словесной шуткой. Но подумайте об этом: никто не может отрицать, что существует неизвестная сфера за пределами известной реальности. Если мы будем пользоваться словом «естественное» в отношении Вселенной, которую мы до этого познали, то ясно, что существует и «сверхъестественное», так как «сверх-» указывает на нечто, существующее за пределами известного. Значит, сверхъестественное относится к целому комплексу фактов, сил, существ и законов, которые пока ещё неизвестны нам. Многие неверующие употребляют слово «сверхъестественное» в отношении фантазий, оккультизма, таинственных, невероятных или воображаемых явлений, а если мы будем пользоваться им согласно нашему выше данному определению, то мы можем начать исследование данного вопроса с общей всем приемлемой основы.

Ясно, что материалист верит, что за пределами известного мира существует и другая реальность, но он считает, что неизвестная реальность во всех чертах подобна известному миру. Он верит, что она также составлена из материи и что она «естественна». Он утверждает, что Вселенная в целостности своей однородна, то есть с одного конца до другого она составлена из одного и того же, — именно, из материи. Но какое право имеет человек настаивать, что неизвестная реальность составлена из того или другого? Как же нам столько знать о неизвестном мире? Кажется, надо было бы человеку познакомиться с неизвестной реальностью перед тем, как с уверенностью утверждать, что неизвестный мир во всех чертах подобен известному миру. А разве не надо было бы увидеть Вселенную в её целост-

ности, чтобы заявить, что «она составлена из материи»? Неужели, это невозможно, что неизвестный мир в основном отличается от естественного мира? Разве существование и реальность нематериального, сверхэмпирического и духовного миров являются какой-то невозможностью?

Заметьте, уважаемый Агнос, чтобы доказать отрицательное утверждение «Бога нет», как и положительное утверждение «всё составлено из материи», человек должен обладать способностью всезнания. Это приводит нас к третьему утверждению.

В. У ВАС ЕСТЬ КАКАЯ-ТО ВЕРА

Если Вы отрицаете, что владеете всезнанием, и признаёте наличие сверхъестественного, то у Вас на самом деле есть какая-то вера. Быть может, это пока ещё не религиозная вера, но всё-таки это уже начало, ибо даже религиозная вера берёт своё начало с общей веры. Мы посвятим целую главу обсуждению сути веры и ещё одну главу посвятим вопросу доказательств, но мы пока можем определить веру как принятие утверждения, которое мы не в силах доказать прямыми методами. Когда мы доказываем утверждения прямыми методами, то называем это знанием; когда пользуемся непрямими методами, то называем это верой или убеждением.

Нельзя определить веру как слепой прыжок в неизвестность. Это скорее всего — вступление в свет. Освещение веры, может быть, тусклее того света, который мы называем знанием, но это не является темнотой. Вера всегда должна быть основана на *каких-то* показаниях, хотя они возможно не всегда *совершенны*. Вера лежит посередине между уверенностью и доверчивостью.

При таком определении довольно ясно, что у каждого человека есть мера веры. Жить без неё невозможно. Придерживаться какой-то философии без неё невозможно. У каждого человека есть убеждения, гипотезы, теории, объяснительные постулаты, о которых он думает в отношении Вселенной, особенно её невидимых и непознанных им частей. Все люди в принципе имеют *мировоззрение* (заменителя старого немецкого слова «*Weltanschauung*» в сущности нет), и все мировоззрения идут за пределы эмпирической реальности. Если у Вас, Агнос, есть какие-то общие философские убеждения, то у Вас уже есть больше веры, чем Вы сами готовы признать.

Поэтому это ошибка утверждать, что только христиане встречаются с трудностью: вера против логики. Все мыслящие люди, — если они мыслят, — сталкиваются с этой проблемой. Даже неверующему приходится задавать вопрос: где в моём мировоззрении прекращается знание и начинается вера? Если в соответствии с Вашими философскими убеждениями Вы признаёте существование «другого (неизвестного) мира», то в рассуждении Вам нужно пойти дальше и сказать нам, что именно является для Вас источником и авторитетом? Вам нужно определить, что в отношении неизвестного мира можно принять или не принять и на каком основании? По этому пункту Вы ничуть не отличаетесь от религиозного человека. Проблема веры и логики является общей философской проблемой, которую нужно определить в любом мировоззрении.

Если я до этого здраво рассуждаю, Агнос, то Вы не являетесь пылким атеистом. Вы признаёте сверхъестественное и согласны с утверждением, что у Вас всё-таки есть какая-то вера. Это пока ещё не делает Вас теистом или христианином, но Вы сделали первый шаг в правильном направлении. Вы уже стали «почтительным агностиком», «откровенным скептиком», человеком, который не уверен, как следует думать о Боге, но который также

готов учиться, если есть достаточно доказательств. В остальной части книги обсуждаются эти доказательства.

2

ЗАЧЕМ СПОРИТЬ?

Агнос, мы начинаем длинное интеллектуальное путешествие. Перед тем, как сделать первый шаг, нам обоим необходимо быть уверенными в необходимости процесса рассуждения — в обсуждении и споре. Здесь имеет значение разум. Если спор бесполезен, то лучше нам этого первого шага не предпринимать. Вот по этой причине и называется эта глава «Зачем спорить?».

Словом «спорить» я пользуюсь в его положительном значении, подразумевающая дискуссии, обсуждения, рассуждения и беседы, а не в отрицательном смысле, близком к пониманию «ссора». Я не верю, что ссорой заставишь человека уверовать; я не верю, что доказательства в защиту христианства совершенны и полностью наглядны. Однако я верю, что они достаточно убедительны и, поэтому, спор, в его лучшем значении, играет важную роль в подтверждении христианства. Странно, что в этом деле надо убедить, прежде всего, некоторых христиан.

А. ЧТО БИБЛИЯ ГОВОРИТ О СПОРЕ?

Просто печально, Агнос, что некоторые христиане, как и многие неверующие, считают, что Библия выступает против рассуждения, что христианство рекомендует слепую веру, или что Христос преподавал авторитетную, ограниченную в кругозоре, религию, осуждающую логичное рассуждение как какое-то злое явление, ведущее нас в заблуждение. Если прислушиваться к некоторым людям, то казалось бы, что первой и самой великой заповедью является приказание: «не рассуждай!»

Ничто не может быть дальше от истины! Если вкратце просмотреть некоторые места в Библии, то убедимся в том, что Бог такого повеления не давал.

Апостол Пётр сказал христианам: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Петр. 3:15). Греческое слово, соответствующее русскому слову «ответ», — это *apologia*, слово, из которого мы получили слова «апология» и «апологетика». В дни апостола Петра слово «апология» относилось к формальной защите определённой позиции или понятия на суде.

Иуда написал короткое послание для того, чтобы поощрять христиан «подвизаться за веру, однажды преданную святым». Он дальше объясняет, что такая защита необходима по той причине, что некоторые лжеучители вкрались в церковь, «нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего

Иисуса Христа» (Иуд. 3-4).

Апостол Иоанн предупредил христиан не верить всему предлагаемому им, а испытать «духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Иоан. 4:1). Как в своём Евангелии, так и в посланиях Иоанн подчёркивает, что Христос, — суть нашей веры, — был настоящим историческим лицом, Которого многие увидели, слышали и руками осязали (Иоан. 20:27; 1 Иоан. 1:1). Он заканчивает своё Евангелие апологетическим примечанием: «Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Иоан. 20:30-31).

Апостол Павел не раз одобрял здравое мышление. Фессалоникийцам он написал так: «Всё испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5:21). Он похвалил коринфян, написав: «Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю» (1 Кор. 10:15). О филиппийцах он молился, чтобы любовь у них «ещё более и более возрастала в познании и всяком чувстве» (Фил. 1:9).¹ Он молился, чтобы ефесяне приобрели «духа премудрости и откровения к познанию Его (Бога)», и чтобы Бог просветил глаза их сердец, чтобы они *познали*, в чём состоит христианская надежда (Эфес. 1:17-18). Колоссянам он объясняет, что их новый человек (новая природа) во Христе «обновляется в познании по образу Создавшего его» (Кол. 3:10). И, в конечном счёте, Павел говорит римским христианам, что люди, не знающие Бога, «безответны», потому что «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. 1:19,20).

Сам Иисус Христос, — суть нашей веры, — учил, что разум играет критическую роль в духовной жизни человека. Самарянке Он сказал, что надо поклоняться Богу «в истине», то есть пользуясь интеллектом (Иоан. 4:24). В притче о сеятеле Он утверждает, что человек должен уразуметь Евангелие перед тем, как принять его (Матф. 13:19). Он повелел нам не только возлюбить Бога всем сердцем, душою и крепостью, но и всем *разумением* (Лук. 10:27). Несколько раз Христос участвовал в тонких беседах с врагами, опровергая их в таких вопросах как: плата налога кесарю (Матф. 22:21), авторитет Иоанна Крестителя (Матф. 21:24), воскресение и загробная жизнь (Марк. 20:4-44), связь между Давидом и Мессией (Лук. 20:41-44). Он часто обвинял врагов в интеллектуальной нечестности (Иоан. 9:41). Он редко избегал дискуссии с серьёзно мыслящим и откровенным оппонентом. Встретившись однажды с таким недругом, Он сказал: «Недалеко ты от Царства Божия» (Марк. 12:34).

Даже в Ветхом Завете Бог проявил подобное уважение интеллектуальному достоинству человека. Он потребовал, чтобы Моисей и Аарон совершили перед фараоном чудо, этим подтверждая силу, которой они пользовались, и порученную им миссию (Исх. 7:9). Он повелел израильтянам не обращать внимания на пророка, чьи предсказания не исполнялись (Втор. 18:22). Он потребовал, чтобы идолы подтвердили свою божественность делами: «Представьте дело ваше, говорит Господь; приведите ваши доказательства... Скажите, что произойдёт в будущем, и будем знать, что вы боги, или сделайте что-нибудь, доброе ли, худое ли, чтобы мы изумились и вместе с вами увидели». Однако, в виду того, что идолы ничего не совершили, чтобы доказать свою силу, Бог соответственно заключает: «Но вы — ничто, и дело ваше — ничтожно; мерзость тот, кто избирает вас» (Ис. 41:21-24).

Дайте ответ в вашем уповании; подвизайтесь за веру; испытывайте духов;

1. Выделено автором — А.Х.

доказывайте всё; любите Бога всем разумением; покажите силу чудом; представьте дело ваше и т. д. Можете ли Вы читать эти места и откровенно утверждать, что Библия антиинтеллектуальна, что Бог противится логичному мышлению, или что библейская вера основывается на простой доверчивости?

Но есть и другая сторона вопроса. Кто-то, быть может, скажет: «Вы пропустили стихи, предупреждающие о вреде человеческого рассуждения». Не предупредил ли апостол Павел о философии и пустом обольщении (Кол. 2:8)? Не говорил ли он, что Бог сделал мудрость мира сего глупостью и что невозрожденный человек не постигает духовных вопросов (1 Кор. 1:20; 2:14)? Не утверждал ли он, что «плотские помышления суть вражда против Бога» (Рим. 8:7)? Да, утверждал, и на такие предупреждения мы должны обратить серьёзное внимание. Нам приходится посмотреть на эту вторую сторону вопроса перед тем, как прийти к выводу, что Бог дал человеческой логике *полную свободу* совершать свою соответствующую роль в нашей духовной жизни. Логика играет роль в христианской вере, важную роль, хотя это не обязательно значит, что она играет ведущую роль. Может быть, выйдет, что её роль всего лишь поддерживающая. Когда мы говорим о *силе* логического мышления, это не значит, что её роль *всесильна* или *всеобъемлюща*.

Ключ к предупреждениям Павла о логическом мышлении находится в выражении «помышления плотские». Апостол Павел не отрицает ценность логического мышления, а только плотское мышление. Он в основном не осуждает общего рассуждения — только мышление, отрицающее Божью истину и откровение. Первоначальное значение слова «философ» было: «любитель мудрости» (от «филео» — люблю и «софия» — мудрость). Так как в течение столетий смысл этого слова менялся, то мы не имеем права предполагать, что «философия»; упомянутая в восьмом стихе второй главы Послания к колоссянам, имеет то самое значение, которое оно имеет в ежегоднике современного университета. Отрицание философии в первом столетии нашей эры не означало: «не размышляй».

Когда Библия предупреждает о человеческом логическом мышлении, то я считаю, что под этим имеется в виду автономное логическое мышление, оторванное от Бога, оторванное от божественного откровения. Почему нельзя отделять логическое мышление от Бога? В этом-то и заключается главная тема данной книги. Мой тезис гласит так: без Бога логическим мышлением не объяснишь Вселенную.

Поэтому прошу Вас, Агнос, не ужасаться всякий раз, когда Вы увидите слово «философия». Этим я никакого зла не предлагаю, как увидите в следующих главах.

Б. ПОЧЕМУ ХРИСТИАНИН НУЖДАЕТСЯ В ФИЛОСОФИИ

Христианин нуждается в философии. Он нуждается в логике, то есть в здоровом мышлении, в правильном рассуждении. Если отделить логическое рассуждение от веры, то это только повредит христианскому богословию.

Мы, христиане, нуждаемся в философском мышлении, потому что Бог велит нам проповедовать и передавать нашу веру другим людям. Нам не разрешается молчать, как в случае учеников некоторых восточных религий. Бог требует, чтобы мы говорили, объясняли то, что сами испытываем, и распространяли христианскую надежду. Если бы Церковь была огромным монастырём траппистов, где считают молчание самым высоким достоинством, то мы не обращали бы внимания на философию. Заниматься философией нам было предназначено Христом, этим вечным «Логосом» (Словом),

Который не позволяет нам молчать, а приказывает нам быть Его свидетелями всему миру (Деян. 1:8). Чтобы быть Его свидетелями, нам необходимы умственные методы логики, грамматики, риторики.

Если бы христианин отказался заниматься философским рассуждением, то он, возможно, прожил бы долгую жизнь в служении человечеству, но не мог бы обдумать свои убеждения и выразить их словами другим людям. Было бы невозможным составить теологические понятия или защитить религиозные доктрины без помощи логики. Если бы логическое мышление не сыграло, по крайней мере, второстепенную роль в драматургии христианского богословия, то у нас не было бы чудесных трактатов о Троице, Воплощении и Искуплении от Оригена, Августина Блаженного, Кальвина и Барта.

Отделить логическое рассуждение от веры можно только одним средством, — именно, отделением веры от истины. Каждая человеческая дисциплина рано или поздно должна считаться с истиной, и в этом богословие не является исключением. Поэтому, как в случае братьев Иакова и Исава, логическое рассуждение и вера являются детьми Божиими, и каждому из них лучше не красть то, что принадлежит другому.

Христианин нуждается в философском рассуждении по той причине, что только с помощью правильного логического рассуждения можно выразить великие христианские доктрины в нужные исторические моменты. Великие христианские доктрины обычно вырабатываются в те времена, когда кто-то выступает против веры. Почти все великие символы веры были оформлены как апологетические объяснения: Апостольский, Никейский и Афанасийский. Почти все выдающиеся защитники веры выразили свои понятия в связи с преобладающими в данные времена философскими взглядами. Августин Блаженный писал на основании того, что было написано Аристотелем; епископ Булгер следовал эмпирицизму Джона Локка; Эмил Буннер немало заимствовал от Кьеркегора. Без философии, согласно её правильному определению, Церковь не могла бы ни проповедовать, ни защищать веру.

В некоторых культурах, как в Китае, существовало такое однородное неизменённое философское представление о жизни, что никто не думал составлять определённый символ веры просто потому, что никто не выступал против известных убеждений. У них символ веры был всеми принят, не выбран. Они знали, *во что* верят, но не знали, *почему так* верят. Как только кто-нибудь подверг бы их символ веры сомнению, так сразу же заставил бы их передумать и защитить свои убеждения, выразить их по правилам логического мышления.

По этой причине, Агнос, ничего плохого я не вижу в чистосердечном сомнении. Каждый мыслящий христианин что-то знает о таком сомнении. Защитить веру никак нельзя, если прежде всего не подтвердить свои убеждения самому себе. Часто бывает, что самые убедительные аргументы, составленные нами, приходят к нам, когда мы спорим с самим собой. Филипп Меланхтон однажды сказал: «Человек часто проповедует свои убеждения как раз в тот момент, когда он потерял их и всюду и везде ищет их, но в такие моменты его проповедование обязательно не оказывается самым плохим».

Христианин нуждается в философском мышлении потому, что только с помощью правильного логического мышления он может проверить и оценить утверждения других религий и заявления других людей о божественном откровении. Уже многие исторические личности утверждали, что они получили божественное откровение: Зороастр, Моисей, Христос, Магомет, Джозеф Смит, Отец Дивайн. Все они не могут быть правыми, потому что сделали

заявления, противоречащие друг другу. Как же прийти к заключению о том, кто из них прав в утверждениях? Дракой? Нет, потому что это всего лишь показало бы, кто физически сильнее. Голосованием? Нет, потому что это всего лишь показало бы, чьи утверждения большинство считает верными. Логическим рассуждением? Действительно так, потому что на этом общем основании сходятся мыслящие люди.

Христиане убеждены, что Бог готов предаться риску чистосердечной проверки. Мы считаем, что только после того, как все факты предоставлены нам, Христу даруется полная возможность нам открыться. Богослов Джон Бейлли призвал: «Моё личное свидетельство заключается в том, что моя вера, в конечном счёте, пострадала от тех многих случаев, когда я поддался соблазну не дать себе возможность получить ответы на мои вопросы, потому что они отвлекали бы меня от веры вместо того, чтобы приближать меня к ней».²

В. ПОЧЕМУ НЕВЕРУЮЩИЕ НУЖДАЮТСЯ В ФИЛОСОФИИ

Не думайте, дорогой Агнос, что только мы, христиане, должны рассуждать. Вы также нуждаетесь в правильном логическом мышлении. Я признаю, что философия и богословие порой страдают от плохой репутации. Какой-то остроумец сказал, что философия ищет чёрного кота в тёмной неосвещённой комнате, когда его нет, а богословие всё равно находит его. Это говорит плохо о философии и богословии, но есть в такой мудрости доля истины. Философия и богословие отвращают нас от себя по причине своей неясности, различий в мелочах и заумных абстрактных понятий.

Всё же почти невозможно перестать думать о вопросах, обсуждаемых путями философии и богословия: Бог, свобода, безнравственность, этика, то есть в вопросах, на которые эмпирическая наука не может отвечать. Дело тут же касается тех «вечных вопросов», требующих от нас ответов независимо от того, какими неточными или неясными оказались бы эти ответы.

Например, возьмём вопрос жизни. Если Вы читаете эту страницу, Агнос, то предполагаю, что Вы живы. Почему Вы живы? Почему Вы сегодня не покончили с собой? Для какой цели Вы продолжаете жить? Предполагаю, что есть у Вас какая-то цель, хотя она, быть может, и слабовата. Но дать ответ на вопрос «почему живу?» невозможно, если Вы не будете ссылаться на философию. Независимо от того, являемся ли мы христианами или агностиками, нам нужно философствовать, потому что жизнь заставляет нас думать, и, чтобы жить приятной жизнью, нам нужно здраво рассуждать.

Мой девиз в отношении этого вопроса звучит так: «Я действую, поэтому и надеюсь». Все мы действуем. Деятельность, требующая решений с нашей стороны, заполняет для нас целый день. А если нужно делать решения, то это означает, что мы должны определять, что в жизни важно или неважно. И этого не будешь делать без философии. То, что Вы продолжаете действовать, показывает, что глубоко в себе Вы верите в полезность философии.

«Я действую, поэтому и надеюсь». Надеюсь на что? Надеюсь, что кое-что узнаю, уразумею. Надеюсь, что поведение моё правильно. Надеюсь, что мои решения о жизненных ценностях правильны. Вы не можете прийти к решению, что перестанете действовать, разве только, что Вы станете неподвижным человеком или покончите с собой. Поэтому жизнь сама по себе нуждается в философии. Деятельность побуждает Вас к тому, чтобы Вы думали, оценивали и определяли, что в жизни является важным. Мало кто

2. John Baillie, *Invitation to Pilgrimage* (New York: Scribner, 1942), стр. 23.

среди скептиков допускает, что его скептицизм препятствует ему действовать.³

Если Вы признаёте, что здоровое логическое мышление необходимо даже в жизни неверующего, то Вам приходится прийти к выводу, что истина существует, потому что рассуждать невозможно без этого постулата. Мы говорим, что отправляемся в путешествие на поиски Истины, но на самом деле, не отправившись в такое путешествие без знания хотя бы некоторых истин. Невозможно искать Истину и не найти её в *каком-то смысле*. Разумеется, то, что Вы ищете Истину, вовсе не доказывает, что Вы, обладаете Истиной в *её целостности*, но то, что Вы начинаете искать её, доказывает, что Вы обладаете некоторыми истинами.

Подумайте над этим вопросом: какими методами ищу я истину? Правильными или неправильными? Надеюсь, — правильными! И если Ваши методы правильны, то Вы уже обладаете некоторыми истинами. Если Вы даже избегаете Истины, то всё равно находите её, ибо Вам нужно было бы поставить себе вопрос: избегаю ли я Истины *соответствующими методами* или нет? Если так, то в Ваших методах есть доля истины. Если Вы пользуетесь неправильными методами, то Вы неудачно бежите от Истины и, на самом деле, Вы нашли Истину вместо того, чтобы избежать её. Разве это не странно? Даже при старании избежать Истины Вы всё равно находите её.

В чём заключается Истина, которую Вы находите даже тогда, когда стараетесь избежать её? Это напоминает мне о Боге, великом Небесном Преследователе, Который не оставляет Вас в покое. Он день и ночь преследует Вас. От Его преследования никак нельзя освободиться, разве только путём кататонии⁴ или самоубийства.

Агнос, можно это показать другим средством, — а именно, заявлением, что быть стопроцентным скептиком невозможно. Стопроцентный скептик должен утверждать: «Никакой Истины нет», а это же подтвердить никак нельзя, потому что заявление само по себе утверждает, что оно верно. Кто так говорит, в сущности утверждает: «Это верно, что никаких истин нет». Если истин нет, то данное заявление в своей целостности оказывается неверным. Заявление само себя уничтожает. Скептик даже не может установить свой скептицизм, ибо этим он подрывает самого себя.

Что Вы подумали, если бы собака подошла к Вам и сказала: «Собаки не говорят»? Вы сразу же увидели бы в этом заявлении явную ошибку. Как же собаке так высказаться, если собаки не говорят? Выходит, что само заявление неверно, а то собака этого не могла бы сказать. То же самое относится к стопроцентному скептику: его скептицизм должен быть неверным, чтобы он мог выразить верное заявление. Как Аристотель давным давно показал, чтобы скептику оставаться последовательным, он может всего лишь верить в свой скептицизм, но одновременно должен молчать. В тот момент, как он начнёт предлагать свою точку зрения, то встречает трудности.

Заметьте, пожалуйста, сходства между христианином и скептиком: у каждого своя точка зрения, которая считается достоверной. Каждый предлагает свою точку зрения. И в силу того, что каждый проповедует своё понятие, то обоим приходится признать необходимость философии. Каждый показывает себя непоследовательным, если предлагает своё понятие, но и одновременно отрицает необходимость философии.

3. Разумеется, я вероятно не должен пропустить ту возможность, что какой-то Тертуллиан скажет: «Я действую, потому что это абсурдно».

4. Кататония есть психологическая болезнь, согласно которой человек сильно волнуется, умственно теряется и мускулы у него напрягаются и становятся твёрдыми.

Только стопроцентный скептик оказывается виновным в противоречии. Есть и другой вид скептицизма, по которому человек говорит: «Некоторые истины я знаю, но остаюсь невеждой по отношению других истин». Агнос, приветствую Вас как единомышленника с нами по этому поводу. Если в этом и заключается Ваш скептицизм, то это означает, что все мы — скептики. Такой вид скептицизма ничуть не отличается от почтительного агностицизма, который мы похвалили в последней главе. Исходной точкой наших умственных поисков является скептицизм такого вида. Такой скептицизм не отрицает необходимость философии.

Избежать этого Вы не можете, Агнос: *жизнь требует философии!* Сократ однажды сказал: «Жить непроверенной жизнью не стоит». Так как мы с Вами теперь согласны относительно полезности проверки, пойдём дальше и рассмотрим вопрос веры. С этого места наш девиз будет: «Придите, и рассудим, говорит Господь» (Ис. 1:18).

